1 (09)
Л-841

На правах рукописи

ЛУКМАНОВА РАУШАНИЯ ХУСАИНОВНА

ГАРМОНИЧЕСКАЯ МНОГОМЕРНОСТЬ ИСТИНЫ

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Уфа 2009

СК

Диссертация выполнена на кафедре онтологии и теории познания факультета философии и социологии ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор **Галимов Баязит Сабирьянович**

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор **Хазиев Валерий Семенович**

доктор философских наук, профессор **Финогентов Валерий Николаевич**

доктор философских наук, профессор **Рахматуллин Рафаэль Юсупович**

Ведущая организация: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кафедра философии гуманитарных факультетов

Защита состоится « 03 » июля 2009 г. в 9.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.013.03 в ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Фрунзе 32, Главный корпус, ауд. 01

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Автореферат разослан « 18 » мая 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор философских наук, профессор Поздяева С.М.

1(09)
Л-841

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Вопрос «Что есть истина?» всегда волновал лучшие умы человечества и входил в число фундаментальных проблем человеческого бытия, а следовательно и философского дискурса, поэтому проблема истины в философии никогда не потеряет своей актуальности и значимости. Постоянное обращение к ней обусловлено как гносеологическими, так и социокультурными факторами. В гносеологическом плане исследования проблемы истины на современном этапе характеризуются многообразием подходов: от вариаций классического определения истины как соответствия до ее постмодернистского отрицания. Подобный плюрализм вызывает двоякую реакцию. С одной стороны, возникает желание определиться с «истинной» концепцией истины, с другой стороны, вполне обоснованы сомнения в когнитивной ценности понятия, вызывающего столь противоречивые интерпретации. На сегодняшний день попытки элиминировать понятие истины из познавательного процесса получили оформление в виде так называемых «минимизирующих» (дефляционных) теорий. Направление «минимизации» истины, на наш взгляд, лишний раз доказывает актуальность проблемы истины, взятой в далеко не исчерпывающем ее гносеологическом ракурсе.

В социокультурном плане актуальность проблемы истины обусловлена тем, что в современную эпоху происходят глобальные изменения в экономике, политике, культуре, влекущие за собой трансформации ценностных ориентаций. Истина и ценность – неразрывно связанные категории. В то время, когда начинается осмысление и переосмысление ценностей, особенно актуализируются исследования истины и поиски ее критерия. Эпоха глобализации выявила новые противоречия и проблемные поля развития индивидуальной и социальной жизни. Процессы мировой экономической и политической интеграции носят объективный характер, равно как и движение антиглобализма. Однако возможна альтернатива как глобализму, так и антиглобализму, направленная на смягчение процессов интеграции, гармонизацию центростремительных и центробежных сил. Антитеза глобализации как унификации национальных культур – создание единого мультикультурного пространства, в котором сохранится возможность национальной, этнической, религиозной идентификации.

Поиски истины и переосмысление ценностей в современной культуре, на наш взгляд, связаны со стремлением гармонизировать отношения разновекторных сил, действующих как в сфере материального, так и духовного производства.

Степень научной разработанности проблемы. Философия и другие социально-гуманитарные науки к настоящему времени располагают мощной интеллектуальной традицией и объемным материалом по избранной нами тематике исследования. Имеется ряд содержательных работ по исследованию теорий истины, представленных достаточно разнообразно в ракурсном и тематическом диапазоне.

Следует сказать, что не было в истории такого мыслителя, который не касался бы в своих работах того или иного аспекта истины. Начиная с первых (греческих, индийских, китайских) философов, мы видим, что проблема истины конституировалась как знаковая для философской, научной и религиозной мысли. «Что есть истина?» – вопрос, разрушивший мифологическое сознание. Вопрос, который привел к становлению новых форм мышления, новых способов объяснения мира и бесконечному разнообразию оценок действительности.

Таким образом в широком смысле в степень разработанности проблемы истины можно включить всю историю философии. Однако в рамках данного исследования мы привлекали труды тех мыслителей, чьи идеи легли в основу какой-либо концепции истины, или послужили ее развитием, вариацией, интерпретацией, или являются оригинальной трактовкой истины, имеющей резонанс в духовной культуре человечества.

В каждую эпоху, новый период развития цивилизаций, человеческих сообществ и просто этносов возникали и бурно развивались различные философские течения, образующие сегодня многообразную совокупность понимания истины. Историографический обзор европейской литературы позволяет выявить узловые концепции понимания истины мыслителями разных эпох – Сократ, Платон, Аристотель, Плотин, Августин Аврелий, Фома Аквинский, Уильям Оккам, Николай Кузанский, Рене Декарт, Джон Локк, Бенедикт Спиноза, Готфрид Вильгельм Лейбниц, Иммануил Кант, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Артур Шопенгауэр, Серен Кьеркегор, Эдмунд Гуссерль, Людвиг Витгенштейн, Карл Поппер, Мартин Хайдеггер, Жак Деррида и другие.

Оригинальные трактовки понимания истины содержатся в религиозных концепциях позднего эллинизма, патристики (Тертуллиан, Ориген, Августин и др.) и схоластики (Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский), неореалистических направлениях (А. Венцль, Р. Перри, А. Уайтхед и др.), в концепциях иррационализма (С. Кьеркегор, В. Дильтей), феноменологии (Э. Гуссерль) и современного экзистенциализма (М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.). Основываясь на платоновском объективном идеализме, они в большей или меньшей степени отстаивали различные варианты учений об онтологической природе истины.

Отечественная философия, имевшая особую философско-

литературную форму, в которой содержание философских учений было изложено в художественных текстах (в том числе и поэтических), и направлено на просвещение и духовное обогащение широких слоев соотечественников, концептуально оформилась к концу XIX века. В начале XX века в отечественной философии существовала целая палитра течений: от религиозно-идеалистического до диалектико-материалистического. В рамках нашего исследования наиболее ценным представляется философское наследие Н. Бердяева, Л. Карсавина, И. Киреевского, В. Соловьева, П. Флоренского, С. Франка, Л. Шестова. Однако в силу исторических обстоятельств после Октября 1917 года в России долгое время господствовала марксистская парадигма и диалектико-материалистическая трактовка истины. В советский период проблема истины решалась в рамках теории отражения. Существует немало количество монографий и диссертаций, исследовавших объективный характер истины, диалектику относительной и абсолютной истин, практику как критерий истины и т.д. В качестве примера приведем классические для советского периода труды Г.А. Курсанова «Ленинская теория истины и кризис буржуазных воззрений» (1977), Э.М. Чудинова «Диалектика научного познания и проблемы истины» (1979), Б.И. Липского «Практическая природа истины» (1988). Как правило проблема истины рассматривалась в гносеологическом ключе. Работы по проблеме истины присутствовали в сборниках по проблемам теории познания и диалектической логики. Формула складывающейся из диалектики абсолютной и относительной истин истины объективной воспринималась как универсальный ключ решения проблемы и ограничивала возможности осмысления механизмов истинности. Выходом из этой ситуации представлялся анализ научной теории как основополагающей формы истинного знания. Эта проблематика получила достаточную разработку у таких авторов, как Е.И. Андрос, В.В. Будко, Н.К. Вахтомин, Б.С. Галимов, Б.С. Грязнов, С.Н. Жаров, Э.В. Ильенков, Б.С. Крымский, В.А. Лекторский, Е.А. Мамчур, Р.Ю. Рахматуллин, В.С. Степин, В.С. Швырев и др.

Суть кризиса советской философии заключалась в том, что в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина проблема истины разрешалась на все времена – исторически прошедшие, настоящие и будущие. Философские изыскания таких исследователей, как Г.С. Батищев, Ю.П. Ведин, Д.П. Горский, Э.В. Ильенков, П.В. Копнин, А.М. Коршунов, С.Б. Крымский, Г.А. Курсанов, Г.Д. Левин, В.А. Лекторский, Б.И. Липский, Ю.К. Мельвиль, Л.А. Микешина, Н.В. Мотрошилова, И.С. Нарский, Т.И. Ойзерман, А.И. Ракитов, В.Н. Сагатовский, Ф.А. Селиванов, В.В. Целищев, Э.М. Чудинов, В.С. Швырев, несмотря на то, что их период

творчества совпал с советской эпохой, когда любая альтернативная мысль или идея оказывалась под жестким идеологическим прессингом, тем не менее, сформировали серьезный исследовательский базис по проблемам познания, отражения и истины с учетом достижений мировой западной философии.

Серьезное методологическое значение имели для нас принципы историко-философского анализа, выработанные в трудах В.Ф. Асмуса, И.А. Гончарова, О.А. Донских и А.Н. Кочергина, Н.О. Лосского, М.К. Мамардашвили, И.С. Нарского, Т.И. Ойзермана, В.В. Сербиненко, П.Д. Шашкевича, Я. Хинтикки, а также принципы критики современной западной философии, разработанные в трудах отечественных исследователей В.В. Бибихина, П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдова, Н.В. Мотрошиловой, В.А. Подороги, Э.Ю. Соловьева.

Ценностную природу истины исследовали О.М. Бакурадзе, В.П. Визгин, О.Г. Дробницкий, А. Компт-Спонвиль, Г.П. Корнев, Л.А. Микешина, Р.Ю. Рахматуллин, В.П. Филатов и др.

Онтологический и экзистенциально-личностный аспекты проблемы истины анализируются в трудах Н.А. Бердяева, П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдова, А. Камю, В.А. Кувакина, Ш. Нуцубидзе, А.П. Огурцова, Ж.-П. Сартра, А.И. Селиванова, В.Н. Финогентова, В.С. Хазиева, Л. Шестова, К. Ясперса и многих других. Таким образом, за более чем семидесятилетний период был накоплен уникальный теоретический материал, связанный с понятием истины (объективной, абсолютной и относительной), пренебрежение которым привело бы к прерыванию отечественной философской традиции. Переосмысление марксистской методологии познания, восстановление исходных представлений о характере познания как процессе, осуществляемом человеком в границах своей субъективности, но в условиях социальной обусловленности, позволили начать обсуждение проблемы истины в новой методологической парадигме.

Одно из наиболее «молодых» исследовательских течений в современной философии можно обозначить словом «дефляционизм», объединяющим различные вариации «минимизирующих» истину теорий. Наиболее известными сторонниками аналитического дефляционизма сегодня являются П. Хорвич, Д. Стольяр, Х. Филд и ряд других. В разной степени они, а также некоторые иные приверженцы дефляционизма подверглись влиянию работ Венского кружка, Л. Витгенштейна, Ф. Рамсея, А. Айера, У. Куайна и др.

Разработка «минимизирующих» теорий истины ведется преимущественно на Западе, однако само течение дефляционизма исследуется в работах М.В. Лебедева, А.З. Черняка, В.Н. Данилова.

Проблемами соотношения истины и знания, а также существования внезнаниевых форм истины занимались В.Ф. Асмус, М.И. Билалов, Дж. Брунер, Е.К. Быстрицкий, Э. Геттиер, И.Н. Горелов, Д.И. Дубровский и психоаналитическая школа Д. Узнадзе, П.С. Заботин, В.В. Ильин, В.Р. Ирина и А.А. Новиков, А.С. Карлин, С.Б. Крымский, М. Полани, Б.Я. Пукшанский, Е.Л. Фейнберг

Классическими стали исследования когнитивного значения метафоры Н.Д. Арутюновой, М. Блэком, А. Вежбицкой, С.С. Гусевым, М. Джонсоном и Дж. Лакоффом, Д. Дэвидсоном, Э. Кассирером, Э. МакКормаком, В.В. Петровым, П. Рикером, Дж. Серлем, Г.Н. Скляревской, Ю.С. Степановым и др., предоставившие методологический аппарат для исследования специфики применения метафоры в философском познании.

Существует целый пласт источников и научной литературы, посвященной проблеме соотношения истины и веры. Это тексты Ф. Аквинского, Н.А. Бердяева, Л. Витгенштейна, Р. Гроссетеста, Ибн Араби, Ибн Сины, Ибн Рушда, У. Джеймса, М.С. Козлова, В.В. Митюгова, Б. Рассела, В.Соловьева, С.Л. Франка, Л.А. Чухиной, А. Уайтхеда и др.

Специфика мистического познания и критерии истинности мистического знания находятся в центре внимания таких исследователей, как Э. Андерхилл, М. Волошин, С. Гроф, Ф. Капра, И.Т. Касавин, В.В. Налимов, К.-Г. Юнг, А.А. Яковлев и др.

Во многих работах, посвященных философии искусства, художественному творчеству, образно-эмоциональному познанию мира, присутствует проблематика истины. Отметим наиболее значимые в рамках нашего исследования труды М. Бланшо, В.П. Бранского, Г.-Г. Гадамера, Г. Зиммеля, И.В. Пермякова, В.Н. Поруса, В.С. Соловьева, А.И. Столетова, В.Г. Федотовой, М. Хайдеггера, Й. Хейзинги, Ф. Шлегеля, А. Шопенгауэра.

Эвристическое значение для нас имели работы, раскрывающие философский смысл категории «гармония»: от древнегреческих мыслителей до современных авторов. Это произведения пифагорейской школы, Платона, Аристотеля, Боэция, Г.В. Лейбница, Г.В.Ф. Гегеля, А.Ф. Лосева, А.Н. Деева, В.Т. Мещерякова, В.Н. Сагатовского, Э.М. Сороко и др.

Идея многомерности является на сегодня наиболее востребованной в исследованиях истины. Доказательством могут служить сборники трудов сотрудников Института философии РАН «Многомерность истины» (2008), «Понятие истины в социогуманитарном познании» (2008), панельная дискуссия по проблеме истины в журнале «Эпистемология и философия науки» (№ 2, 2008) с участием А.Л. Никифорова, Е.А. Мамчур, Л.А.

Марковой, Г.Д. Левина, М.А. Розова и др.

Отмечая многоплановость и основательность достижений в изучении проблемы истины, вместе с тем, нельзя не констатировать необходимость «прорыва», выхода на новый теоретический и методологический уровень освоения избранной проблематики. В данном исследовании учитываются сложившиеся точки зрения по поводу разработки проблемы истины и условия, при которых формируются эти точки зрения.

Объектом диссертационного исследования является истина как основная цель и результат теоретической и практической познавательной деятельности, отражающей многообразие человеческого опыта.

Предметом исследования выступает многомерность как сущностное свойство истины, проявляющее возможность гармонии бытия человека в мире.

Цель и задачи исследования. Целью данной работы является построение метаконцепции истины, интерпретирующей ее многомерность как проявление возможности гармонии бытия человека в мире.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

– исследовать исходные теоретические основания корреспондентской концепции истины;

– проанализировать причины и эвристические возможности развития корреспондентской концепции в логико-семантическом ключе;

– провести сравнительный анализ корреспондентской, когерентной, прагматистской, конвенциональной концепций истины;

– обосновать актуальность и значимость экзистенциального подхода к исследованию истины;

– исследовать причины и необходимость появления «минимизирующих» теорий истины;

– проанализировать сущность и варианты «минимизации» в отношении истины;

– выявить недостатки «минимизирующих» теорий и ограниченность интерпретации истины в рамках аналитической философии;

– исследовать методологические возможности соотнесения философских категорий «истина» и «гармония»;

– выделить основные модусы истины сообразно видам человеческой деятельности (опыта);

– исследовать гносеологические основания и эвристические возможности соотнесения категорий истины и знания;

– выявить особенности метафоры как средства философского познания;

– обосновать диалектический характер отношений истины и веры в процессе познания;

– исследовать способы определения истинности мистического знания;

– выявить онто-гносеологические основания и аксиологическую значимость соотнесения категорий истины и блага;

– проанализировать особенности обращения к проблеме истины в художественном познании;

– выявить истинностные параметры поэтического языка как специфического способа постижения бытия;

– выявить принцип сосуществования и взаимодополнительности различных модусов истины в теоретическом и практическом опыте человечества.

Методологическая и теоретическая база исследования. В качестве методологического основания диссертационного исследования выступает системный подход в его эпистемологической интерпретации, в рамках которой системность рассматривается как принцип теоретических построений исследователя, его способности представить объект познания как системный объект (Н. Луман, У. Матурана, Ф. Варела).

В рамках обозначенной методологии процесс познания истины рассматривается нами как система, включающая в себя все сферы человеческой жизни и деятельности как элементы. Системный подход позволяет выявить принципы построения различных концепций истины и предложить метаконцепцию истины, постулирующую многомерность как сущностное свойство, проявляющее гармонию бытия человека в мире.

В работе использованы основные теоретические методы: анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному, исторический и логический методы, а также диалектический принцип взамораскрытия сущности понятия (истины) и его явления в теоретических концепциях и многообразном опыте человечества.

Важное методологическое значение для нас имела идея всеединства в интерпретации Л. Карсавина, постулировавшего плюралистичность как онтологический принцип целостного бытия (мира и человека).

В работе над диссертацией была использована гегелевская концепция логического развертывания понятия и принципы феноменологического исследования истории философии М.К. Мамардашвили. При исследовании метафоры как средства философского познания применена когнитивная теория метафоры (М. Блэк, Д. Лакофф, Э. МакКормак). Для анализа особенностей разворачивания категории истины в художественном творчестве применялся метод феноменологической герменевтики М. Хайдеггера и Г. Гадамера.

Научная новизна исследования состоит в построении метаконцепции истины, интерпретирующей ее (истины) многомерность как проявление возможности гармонии бытия человека в мире. Новизна исследования может быть конкретизирована в следующих положениях:

- обосновано, что корреспондентская концепция истины выявляет гармонию знаний и действительности, реальности и ее образа;
- доказано, что альтернативные концепции истины коррелируют с корреспондентской концепцией, выявляя гармонию бытия человека в мире, а именно: когерентная концепция гармонизирует совокупность знаний, превращая ее в эффективную систему; прагматистская концепция выявляет гармонию в сфере отношений «человек – практика»; экзистенциальный подход побуждает человека в стремлении к истине обрести гармонию собственного бытия;
- установлено, что разработка «минимизирующих» теорий истины выявляет необходимость гармонизации отношений между изменившимся типом рациональности и базовыми ценностями человека, в число которых входит истина;
- доказана неправомерность сведения истины к характеристике знания, отождествления ее с достоверностью, при котором истина воспринимается одномерной;
- установлено, что метафора, будучи объемной и многоуровневой формой языкового выражения действительности, является эффективным средством постижения многомерной истины;
- выявлен диалектический характер отношений истины и веры в познавательной деятельности человека, а также обоснована взаимодополнительность категорий истины и веры в религиозном и научном познании;
- раскрыты истинностные характеристики мистического знания, выражающиеся в стремлении постичь целостность и полноту бытия;
- выявлены онто-гносеологические основания взаимообусловленности категорий истины и блага, так как в теоретической и практической деятельности человека истина и благо являются формами гармонии бытия человека в мире;
- обосновано, что множественность образов истины, составляющая ее многомерность, складывается в гармоническую систему; при этом гармонический характер многомерности истины проявляет возможность гармонии бытия человека в мире.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке метаконцепции истины, гармонизирующей онтологический, гносеологический, экзистенциальный, ценностный и нормативный

ракурсы исследования проблемы истины в философии. Выявленные универсальные, инвариантные смысловые значения категории истины позволяют увидеть гармонию в множестве ее теоретических исследований и многообразии человеческого опыта, а также противостоять попыткам сужения сферы применения или вытеснения категории истины из области познания.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в теоретической и практической деятельности философов, теологов, идеологов, искусствоведов, педагогов. Материал диссертации найдет отражение в преподавании курсов философии, специальных курсов по проблемам бытия, познания, мышления, ценностей, художественного творчества.

Апробация исследования. Основные положения диссертации опубликованы в 2 монографиях, статьях и научных работах общим объемом более 35 п.л. Промежуточные и итоговые результаты исследования были представлены на научных конгрессах и конференциях международного, всероссийского и межрегионального уровня: II Российском философском конгрессе «XXI век: будущее России в философском измерении» (Екатеринбург, 1999), III Российском философском конгрессе «Рационализм и культура на пороге III тысячелетия» (Ростов-на-Дону, 2002); конференциях: «Научная картина мира как феномен культуры» (Уфа, 1992), «Научное обоснование и здравый смысл» (Уфа, 1994), «Единство онтологии, теории познания и логики» (Уфа, 1996), «Образование – будущее России» (Уфа, 1996), «Мировоззренческие основания человеческой деятельности на рубеже XXI века» (Уфа, 1997), «Философский космос России. Памяти Н.А. Бердяева (1874-1948)» (Уфа, 1998), «Язык науки XXI века» (Уфа, 1998), «Обретение и постижение духовности» (Оренбург, 2000), «Культурное наследие России: Универсум религиозной философии» (Уфа, 2004), «Философия XXI века» (Санкт-Петербург, 2006); Летних школах молодых ученых (Екатеринбург, 2000; Казань, 2000; Форос (Украина), 2002; Самара, 2003).

Содержательные моменты диссертации нашли отражение в спецкурсах, прочитанных автором на факультете философии и социологии Башкирского государственного университета.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры онтологии и теории познания факультета философии и социологии Башкирского государственного университета 3 июля 2008 года.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, 2 разделов, 8 глав, включающих 15 параграфов, заключения и списка

литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дано обоснование темы исследования, раскрыты ее актуальность, степень научной разработанности, определены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи, определяется методологическая основа работы, формулируется научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся данные об апробации и структуре диссертации.

В первом разделе **«Многомерность философской концептуализации истины»** рассматриваются теоретические разработки проблемы истины с начала ее конституирования, выявляется и обосновывается возможность их гармонизации.

В первой главе **«Корреспондентская концепция истины и ее вариации»** представлен анализ основных положений теории истины как соответствия знаний и действительности и проблем, возникающих при ее применении.

В первом параграфе ***«Становление и сущность корреспондентской концепции истины»*** рассматриваются исходные основания становления концепции истины как соответствия знаний и действительности.

Возникнув в античный период, корреспондентская концепция истины стала доминирующей в теории познания. Ее центральным понятием является понятие соответствия. Однако это понятие неоднозначно. Можно рассматривать «соответствие» как отношение между предметом и именем, как соответствие предмета своему понятию (идее, сущности). В таком случае мы имеем дело с онтологической трактовкой истины. Если же рассматривать соответствие понятия (знания) предмету, то это – гносеологическая трактовка истины, которая долгое время абсолютизировалась в нашей стране, поскольку характерна для материалистического мировоззрения. Первый вариант, онтологический, характерен для идеалистических учений. В любом случае основные проблемы возникают с определением базового понятия – «соответствия». В рамках корреспондентской концепции для достижения истины соответствие должно быть установлено между миром идеального (знаниями, понятиями, высказываниями) и миром материального (вещами, процессами, явлениями). Очевидно, что однозначное соответствие невозможно, что и порождает различные интерпретации рассматриваемой концепции.

В русле нашего исследования корреспондентская концепция

предоставляет ценнейший материал по нескольким направлениям: во-первых, она является первой в истории философской концептуализацией истины, восходя к Платону и Аристотелю; во-вторых, она содержит широкий спектр трактовок идеи соответствия (корреспонденции); в-третьих, она почти универсальна по широте применения своих положений. Корреспондентская теория остается востребованной и в эпоху постмодерна, побуждая исследователей искать пути ее развития и применения в новых условиях (например, труд П. Вейнгартнера «Фундаментальные проблемы теорий истины». М.: РОССПЭН, 2005; или дискуссия в журнале «Эпистемология и философия науки», № 2, 2008).

Во втором параграфе ***«Развитие корреспондентской концепции в логико-семантическом ключе»*** отмечается, что развитие науки в конце XIX – начале XX века и появление логико-семантических средств анализа языка науки в этот же период поставили перед корреспондентской концепцией истины новые серьезные проблемы. Революция в физике, связанная с пересмотром фундаментальных представлений классической науки о материи, пространстве и времени, показала, что теории, в течение столетий не вызывающие никаких сомнений, находившие широчайшее практическое применение и, казалось бы, подтверждение громадным материалом человеческой деятельности, тем не менее, не истинны в строгом смысле этого слова. Если до сих пор корреспондентская концепция опиралась на жесткую дихотомию «истина-ложь», то с появлением квантовой механики и теории относительности эту дихотомию пришлось значительно ослабить. Конечно, с точки зрения подобного противопоставления, классическая механика оказалась просто ложной концепцией, точно так же, как за триста лет до этого обнаружилась ложность геоцентрической картины мироздания. Но если в результате коперниканской революции геоцентризм был отброшен как простое заблуждение, то классическая механика осталась в науке – как «предельный случай», как частичная истина, справедливая в мире относительно небольших скоростей и макропроцессов.

Логические направления философской мысли рассматривают истину с точки зрения ее «формы», языкового, знакового выражения. Данный подход раскрывает еще один из аспектов проблемы истины – специфику ее существования в знаковой форме, в частности, в языке, как совершенно своеобразном, уникальном продукте духовной деятельности человека.
Одним из основоположников логической семантики является Г. Фреге. Введенное им понятие истинностного значения используется и в современной науке. В своих трудах Фреге начал исследование связи значения и смысла языковых выражений, продолженное затем Б. Расселом, Л. Витгенштейном и др. Самостоятельное значение получила

концепция истины польского логика и математика А. Тарского, названная семантической. Тарский ставил перед собой цель придать формальную строгость классическому (аристотелевскому) определению истины и установить место и границы его значимости. Он достиг важных специальных результатов, вместе с тем, его семантическое определение истины открыло пути к семантической трансформации классического понимания с неизбежными чертами абстрактной формализации. Логическим результатом развития семантических идей становится исключение объективно-истинного содержания познавательных форм, лишение понятия истины его объективной природы. Концепция Тарского не решает вопрос о природе истинности и даже не ставит такой задачи: она только показывает, как от утверждений о реальности мы можем перейти к утверждениям об истинностных значениях предложений, при каких условиях мы можем это сделать — а важнейшим среди этих условий является собственно уже наличие какой-либо теории истины, представляющей собой не что иное, как ответ на вопрос о природе истинности.

Значение логико-семантического подхода в том, что он развивает теорию соответствия, перенося исследование в область языка, вовлекая еще один пласт человеческого бытия в проблемное поле истины.

Подытоживая материал первой главы мы можем сказать, что корреспондентская концепция истины во всех ее вариациях, устанавливая соответствие (как бы оно не понималось) знаний и действительности, выражает таким образом интуитивно ощущаемую человеком гармонию между реальностью и ее образом, между миром материального и идеального.

Во второй главе **«Альтернативные концепции истины»** рассматриваются конкурирующие подходы к определению истины.

В первом параграфе ***«Когерентная концепция истины»*** изложены основания концепции, рассматривающей истину как согласованность утверждений. Согласно этой концепции, мера истинности высказывания определяется его ролью и местом в некоторой концептуальной системе; сказать, что то, что сказано (носитель истины, например утверждение или пропозиция) истинно или ложно значит сказать, что оно когерентно или не когерентно системе других утверждений или пропозиций, т.е. является или не является частью этой системы. Чем более связны, или согласованы между собой наши утверждения, тем в большей степени они истинны: истинность любого истинного утверждения состоит в его когерентности с некоторым определенным множеством утверждений. Элементы такой системы должны быть связаны друг с другом отношениями логической импликации или следования: в этой связи и состоит смысл отношения

когерентности. Быть когерентным системе для утверждения значит быть связанным с остальными членами системы теми же логическими отношениями, какими те связаны между собой. Проверить истинность, таким образом, значит проверить, какими отношениями данное суждение связано с остальными в системе, совместимо ли оно с системой – например, с общепринятой научной картиной мира.

С помощью когерентной теории мы можем оценивать истинность тех утверждений, для которых мы не можем — в данный момент или вообще, принципиально — установить их соответствие фактам. Такова, в частности, значительная часть нашего обыденного знания. Более того, и во многих из тех случаев, когда нам доступна эмпирическая верификация, мы не прибегаем к ней, удовлетворяясь согласованностью с другими поддерживаемыми нами полаганиями.

Возникающие здесь проблемы таковы. Если когерентная система должна быть системой всех истинных утверждений, то нам не представляется возможным установить истинность отдельного суждения прежде, чем мы каким-то образом не выясним, какая именно система является системой всех истинных утверждений, а такой возможности у нас нет. Если мы сравниваем суждение с системой наших обыденных представлений или с какой-либо научной теорией, то его несовместимость с этими представлениями или с этой теорией будет означать ложность данного суждения только на том основании, что нам кажется, что эти представления или эта теория истинны. Но нельзя исключать такой возможности, что могут иметься две в равной степени всеобъемлющие, но разные или даже несовместимые между собой когерентные системы — как тогда решить, какая из них — система истинных пропозиций и какую следует избрать как основу для проверки других суждений?

Однако, несмотря на развернутую критику когерентной концепции, требование согласования знаний друг с другом выражает возможность проявления гармонии внутри всей совокупности знаний человечества.

Во втором параграфе ***«Прагматистская концепция истины»*** анализируется своеобразный подход к решению проблемы истины, предложенный философским течением прагматизма, возникшим и получившим наибольшее распространение в США. Прагматистская концепция не имеет ничего общего с классической, поскольку озабочена не соответствием полученных знаний действительности, а их возможно более успешным применением в человеческой деятельности.

Проблема истины играет особую роль в гносеологии прагматизма, хотя в ней и отсутствует единое определение истины. В прагматизме категория истины неразрывно связана с главной категорией этого учения – практикой. Категории практики и истины – это две определяющие и

тесно связанные стороны в теории познания прагматизма: практический успех, результат является целью жизни человека, и потому все теории и взгляды постольку являются истинными, поскольку они служат достижению практических результатов.

В своем рассмотрении проблемы истины сторонники прагматизма переносят центр тяжести из области мышления в область практической деятельности субъекта. Они подчеркивают роль практической активности в познании, которая, как они полагают, исключает возможность достижения истины в классическом смысле. Эмпиризм рассматривается ими как альтернатива рационалистической созерцательности.

Ведущими представителями направления прагматизма являются Ч.С. Пирс, У. Джеймс (или Джемс), Дж. Дьюи, Р. Рорти. Пирс, основавший это направление, рассматривает познавательную деятельность не как отношения субъекта и объекта познания, а все внимание переносит на субъекта, на его внутренние, в значительной мере психологические процессы. Пирс предпочитает говорить не о знании, а о вере, убеждении, понимая под ней готовность или привычку действовать тем или иным способом. Процесс познания у Пирса означает не переход от незнания к знанию, а переход от сомнения к вере, однако не индивидуальной, а коллективной или социальной. Что касается истины, то она была определена Пирсом как общезначимое принудительное верование, к которому по каждому изучаемому вопросу пришло бы беспредельное сообщество исследователей, если бы процесс исследования продолжался бесконечно.

Джеймс развивает основополагающие идеи Пирса и превращает их в стройное, достаточно гибкое учение. Казалось бы, Джеймс не отрицает классического определения истины как соответствия наших представлений действительности. Однако, уточняет, что следует понимать под «соответствием» и «действительностью», и прежде всего отвергается «копирование» действительности (термином «копирование» Джеймс обозначает адекватное отражение внешнего мира в сознании познающего субъекта). Истинной же он предлагает считать всякую идею, помогающую нам оперировать с действительностью, достигая поставленных целей.

Окончательные выводы Джеймса заключаются в том, что истина – это «разновидность благого», «то, во что для нас лучше верить», «то, что лучше работает на нас», что истина «должна быть сделана» и т.п. Интерпретация прагматизма Дьюи не имеет принципиальных отклонений от направления, заданного Пирсом и Джеймсом. Для прагматизма преобразование реальности (вернее, «делание реальности») – это процесс, результатом которого является не изменение материального мира, а изменение субъективного опыта индивида, изменение его убеждений и

верований.

Таким образом, прагматистская концепция истины выступает альтернативой классической, отказываясь от самой идеи объективной истины. Однако, по нашему мнению, прагматизм имеет важное значение, как теория, поставившая во главу угла человека, его внутренний мир, цели и ценности. Провозглашенный Джеймсом принцип «воли к вере» состоит в том, что человек имеет моральное право осуществить жизненно важный выбор, руководствуясь не рациональными, а эмоциональными основаниями. Применение прагматистской концепции истины позволяет выявить гармонию в сфере отношений «человек – практика», снять проблему отчуждения, конфликта индивидуальных и общественных ценностей.

В третьем параграфе ***«Проблема истины в экзистенциальном измерении»*** представлены концептуальные основы характерного для российской культуры подхода к истине как «пути к жизни». Главной особенностью русской философской мысли является ее связь с религиозным мировоззрением. Здесь необходимо уточнить: с *православным мировоззрением*. Ибо католицизм с его попытками привлечь рационализм для обоснования существования Бога внушал православному христианству почти отвращение. Русская религиозная философская мысль утверждает, что *божественное никак не может* быть постигнуто и обосновано разумом. И в областях, относящихся к сфере божественного, к трансценденту, претензии ratio совершенно не обоснованы. Это касается, в первую очередь, Истины.

Для русской философии проблема истины не имеет отношения к соответствию наших мыслей и понятий с окружающей действительностью. Эта проблема лежит не в области гносеологии. Русские мыслители занимались поисками истины как «пути к жизни». Крупнейший представитель русской философии Владимир Соловьев, чья идея всеединства вдохновила целую плеяду философов России на оригинальные и плодотворные размышления (Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Флоренского, Л. Карсавина и др.), не успел закончить систематизацию своих гносеологических взглядов в виде «Теоретической философии». По оценке Е.Н. Трубецкого: «Каждая строка этого произведения свидетельствует о том, что безусловная истина для его автора есть все, а познающий субъект – ничто вне стремления к Истине»[1].

Интересна для нас интерпретация всеединства Л. Карсавиным, обосновавшим плюралистичность как онтологический принцип целостного Вселенского и человеческого бытия. «Абсолютное бытие…

---

[1] Цит.по: Сербиненко В.В. История русской философии XI-XIX вв. М.,1993.С.141

10-05269

есть абсолютное совершенное Всеединство. Оно – все, что только существует, все и всяческое. И во всяческом, в каждом Оно все, ибо всяческое не что иное, как его момент, в Нем полный и совершенный».[2] Эта идея позволяет объяснить сосуществование, а не смену одной концепции истины другой. Каждая из концепций, с одной стороны, может рассматриваться автономно как выражающая истину, а, с другой стороны, может быть представлена как «момент» истины, необходимый фрагмент целостной картины.

В настоящее время никто не утверждает, что научно-познавательное отношение в человеческом существовании исходно или универсально. Многие определяющие стороны человеческой жизни – цели, ценности, приоритеты – находятся вне компетенции теоретико-логического знания. То, что принято называть научной истиной, является лишь одним из аспектов многомерной, многозначной истины. Более глубокий взгляд на проблему показывает, что существуют иные, принципиально важные и значимые для человека истинные образования, образующие предмет экзистенциального философствования. Значение экзистенциального подхода к проблеме истины в рамках нашего исследования определяется стремлением человека познать тайны собственного бытия, осознать себя необходимым элементом гармонической системы мироздания.

В третьей главе «**Минимизирующие (дефляционные) теории истины**» рассматриваются современные подходы к проблеме истины, оформившиеся в русле нового, неклассического типа рациональности.

В первом параграфе ***«Сущность и вариации «минимизации» в отношении истины»*** анализируются причины возникновения и основные аргументы дефляционных теорий истины.

Историко-философский процесс XX века обозначил проблему истины в новом свете и с новой остротой. Философия после «лингвистического поворота» в отношении тематизации истины избрала иные пути, чем те, которые существовали ранее. Проблема истины оказалась вовлечена в рамки двойного движения: с одной стороны, трансформации неклассической онтологии, логики и теории познания потребовали переформулирования основных подходов к проблеме истины, но, тем же самым жестом, отложили саму эту проблему на второй план, тогда как исходное теоретическое место теории истины закрепилось за тематикой смысла, значения и эмпирической проверки.

Существенным фактом философии XX века явилось умножение теорий истины. Если классическая философия знала об истине зачастую не более чем то, что ее суть состоит в соответствии фактам, а значение —

---

[2] Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С 76.

в выражении несомненного знания, то неклассика породила известное разнообразие того, что ныне известно под названием «теорий истины».

Теоретическое разнообразие рефлексии над понятием «истина» привело к постановке принципиально нового вопроса об истине следующим образом: что значит для философии иметь понятие истины? Не будет ли лучше, если термин истина будет изъят из языка философии как избыточный?

Одной из центральных проблем, вызвавших появление теорий истины нового класса стала онтологическая неразрешимость «стандартной» (классической, референциальной, корреспондентной) модели «истины как соответствия». Корреспондентская концепция предполагает достаточно серьезные онтологические допущения, на которые современная теория познания не может пойти. Кроме того, в данном контексте теория истины корреспондентного образца не может обходиться без привлечения достаточно сложных дополнительных теорий, которые объясняли бы, в зависимости от конкретной формулировки классического определения истины, как понимать a) «факт» (положение дел, действительность и т.п.), b) в чем должно состоять соответствие, и c) что именно соответствует факту.

Проблемы корреспондентной теории истины привели к появлению целого ряда других концепций истины: когерентной, конвенциональной, прагматистской и др. Однако наряду с ними появились взгляды, согласно которым термин «истина» вообще может быть принципиально исключен из значимого философского контекста, ввиду того факта, что понятие истины невозможно ввести таким образом, чтобы оно не предполагало бы никакой метафизической отсылки. И, с другой стороны, понятие истины не несет более никакого собственно философского (в новом, де-метафизированном свете) значения. А потому оно может быть элиминировано, а его теоретические функции могут быть перераспределены между иными компонентами теории. В зависимости от того, каким образом осуществляется данное перераспределение, выделятся варианты «минимизации» истины (их систематизацию предложил Д. Стольяр[3]).

Во втором параграфе ***«Критика оснований «минимизирующих» теорий»*** рассматриваются два пласта: внутренняя критика, представленная по большей части в среде аналитиков и ведущаяся с позиций, характерных для традиционных интерпретаций теории истины, и критика внешняя, предполагающая неконтингентный характер дефляции как процесса и предлагающая некоторые диагностические процедуры по

[3] Stoljar D. Deflationary Theory of Truth. URL: http:// plato.stanford.edu/entries/truth-deflationary.

отношению к современной метафизике истины и альтернативные варианты такой метафизики. Фронтальная внутренняя критика, как правило, направлена на тот или иной вариант (просентенциальный, пропозициональный и т.п.) дефляционизма, но не на дефляционизм в целом. Либо критика ведется с позиций той либо иной теории, непосредственно не завязанной на теорию истины, но предполагающей ее использование в качестве собственного компонента. В частности, дефляционная теория истины не является удобной для формулирования так называемого тезиса об «онтологической нейтральности» референции[4].

При анализе внешней критики мы не будем затрагивать неоправданно широкий пласт критической литературы, которая отметает какую-либо возможность дефляции истины, даже не рассматривая ее аргументы. Примером такого академического неприятия дефляционизма является позиция Д. Дэннета[5]. На наш взгляд, такая позиция – неприемлема и приводит к трансформации науки и философии в подобие авторитарной «научной школы». Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет «логический переворот», который совершил известный финский исследователь Я. Хинтикка, создав «независимо-дружественную» (Independent-friendly logic) логику. Этот проект выходит далеко за рамки формальной логики и семантики. Хотя Хинтикка называет результаты своей работы «революцией в логике»[6], несомненно, он претендует на нечто большее, чем просто пересмотр теории квантификации Фреге, вокруг которой и построена «IF»-логика. Отправным пунктом логического переворота Я. Хинтикка полагает процесс в современной теории истины, приводящий, по его мнению, к выхолащиванию понятия истины и изъятию его из философского оборота.

Радикальное отличие контраргументации Я. Хинтикки от общеаналитической реакции на дефляционизм состоит в том, что Хинтикка не обрушивается с фронтальной критикой на тот или иной вариант дефляционизма, но пытается найти корни подобного представления о природе истины. В качестве основного вывода из тенденции дефляции Хинтикка видит неопределимость понятия истины. В этом, а также в подобных результатах (невыразимость семантики и пр.) сказываются парадигмальные инстанции подхода к языку как универсальному посреднику между миром и нами. Невозможно выйти за

---

[4] Подробнее см.: Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции. М., 2001.

[5] См.: Дэннет Д. Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 93-100.

[6] Hintikka J., Sandu G. A Revolution in Logic? // Nordic Journal of Philosophical Logic, vol. 1, 1996, № 2, pp. 169-183.

рамки мира, очерченного языком и воплощенной в нем понятийной схемы, поскольку любая такая попытка приведет к тому, что мы каждый раз будем наталкиваться на его границы, а любой выход в качестве способа будет предполагать уже сам язык. Таким образом, невозможно обсуждать осмысленным образом отношения между миром и языком, которым мы связаны с миром, в самом этом языке. И, если семантикой называется совокупность значений выражений языка и способов связи их с миром, то такая семантика оказывается невыразимой[7].

Однако, несмотря на развернутую критику «минимизации» в отношении истины, очевидно, что во второй половине XX века сформировался новый блок теорий истины, представляющий современный неклассический тип рациональности. Показательно, что «минимизирующие» теории не заменяют, а дополняют существующие концепции истины. Проанализировав основные положения и проблемы дефляционизма в русле наших изысканий, мы можем утверждать, что разработка «минимизирующих» теорий истины выявляет необходимость гармонизации отношений между изменившимся типом рациональности и базовыми ценностями человека, в число которых входит истина.

В четвертой главе **«Методологическое значение категории «гармония» в концептуализации истины»** рассматривается понятие гармонии, сфера и границы его использования в рамках настоящего исследования. «Гармония» - древнейшая философская категория, имеющая определенные тенденции своей интерпретации. Чаще всего гармония рассматривается как эстетическая категория, однако, мы полагаем, что более важен ее онтологический смысл, неявный вследствие акцентирования эстетического, ценностного, антропологического смыслов.

Будучи полисемантичным понятием, гармония обладает также универсальным значением, отражающим стремление человека к упорядоченности, согласованности, целостности, единству. Именно поэтому гармония остается объектом философского познания более двух тысячелетий.

Высказывания античных философов дают нам представление, что гармонию они понимали как определенные отношения и связи между вещами. Истоком представления о «гармонии мира» была пифагорейская «гармония сфер». Гармония трактовалась также как универсальное понятие, имеющее всеобщее значение и в строении космоса, и в физическом и духовном мире человека, как идеал, существующий над миром реальных вещей, к которому стремится материальный мир

---

[7] См.: Хинтикка Я. Проблема истины в современной философии // Вопросы философии. 1996. № 9. С. 46-58.

(Платон). Это понятие сближается также с понятиями порядка (Гераклит) и середины (Аристотель).

Сформировавшиеся в античной философии представления о гармонии стали основой для оформления в дальнейшем различных подходов к ее пониманию. История философских учений показывает актуальность проблематики гармонии для большинства мыслителей. Особенно отметим ее разработку в русской философии (В. Соловьев, П. Флоренский, Л. Карсавин).

В этой главе категория гармонии применяется для исследования характера отношений между теоретическими объектами (различными концепциями истины) в целях согласования, приведения их в состояние «созвучия» (полифонии).

Подытоживая материал первого раздела, мы видим, что каждая из существующих концепций истины тем или иным образом стремится к выражению гармонии бытия. Корреспондентская концепция гармонизирует отношения знаний и действительности, когерентная концепция направлена на достижение согласованности, «созвучности» внутри совокупности знания, прагматистская – устанавливает гармонию знания и практической деятельности человека. Даже дефляционные теории, несмотря на попытки минимизировать значение понятия истины в процессе познания, в конечном счете «работают» на установление гармонии между изменившимся типом рациональности и ценностными ориентациями человека.

Во втором разделе **«Многообразие человеческого опыта и основные модусы истины»** рассматриваются различные формы существования истины в практической деятельности человека.

Первая глава **«Когнитивный опыт»** посвящена познавательной деятельности человека. Основное внимание уделяется научному, обыденному и философскому познанию как наиболее значимым на современном этапе развития человечества.

В первом параграфе ***«Мнение, знание и истина»*** отмечается, что проблема различения мнения и знания и определения их истинности была поставлена еще в древнегреческой философии. Для ответа на вопросы о взаимосвязи данных понятий в интерпретации античной гносеологии необходимо разобраться с разночтениями по поводу терминов «знание» и «мнение». Недостаточно считать, что, по Платону, знание возможно только как постижение идей, а результаты всей остальной деятельности познающего субъекта – мнения. Безусловно, есть рациональные зерна и в их противопоставлении как теоретического и обыденного знания и в разведении их по ступеням познания: представлять мнение результатом деятельности чувств, а знание – нечувственным.

Существенная черта мнения – его возможная неистинность. Обосновывая закон противоречия и необходимость различения истинных и ложных человеческих представлений, Аристотель замечает: «...если же люди признают это не на основании знания, а на основании одного лишь мнения, то тем более им необходимо заботиться об истине, как и больному нужно гораздо больше заботиться о здоровье, чем здоровому, ибо тот, у кого одно лишь мнение, в сравнении со знанием, не может здраво относиться к истине»[8]. Мнения и рассуждения, считает Аристотель, допускают ошибки, «наука же и нус всегда истинны»[9].

Платон и Аристотель нащупывают действительное различие между мнением и знанием в характере или степени их освоения и обоснования субъектом. На высоте познавательной иерархии учений античных философов находится знание, полученное недискурсивным мышлением, и лишь затем следуют результаты рассуждений и мнение. В то же время гносеологическая линия Платона направлена на проблему достижения рационального знания, отличительной чертой которого является обоснованность, и «ущербность» мнения сказывается как раз в этом пункте. Как заметил Х.-Г. Гадамер, «именно мнение подавляет спрашивание», обращая внимание на то, что греческое слово «докса» обозначает решение, принимаемое на собрании «всем миром»[10], после чего дело не доходит до спрашивания.

Различие между мнением и знанием сводится Аристотелем к различию в способах рассмотрения предмета. Способ рассмотрения знания – рассмотрение по существу, общего (хотя и с оговоркой), необходимого с одновременной уверенностью в том, «что дело иначе обстоять не может». Мнение основывается на «непосредственных, но не необходимых посылках», в нем, в отличие от знания, не заключен способ, гарантирующий именно такое, а не иное обстоятельство дела. По Аристотелю, мнение, отражая определенный этап в сложной диалектике становления знания, отличается от знания гносеологической неопределенностью, неустановленностью своей истинности или ложности. Таким образом, древнегреческая гносеология подходит к выявлению важнейшей особенности теоретического уровня познания – возможность движения мысли от гипотетического к обоснованному знанию.

Исследование истинностных характеристик мнения и знания было продолжено Дж. Локком, И. Кантом, Б.А. Ёруновым и др. И в настоящее время проблема соотношения мнения, знания и истины является

---

[8] Аристотель. Сочинения. Т.1. М., 1975. С.133.
[9] Там же.
[10] Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С.430.

актуальной, поскольку она задает объем, многомерность исследования проблемы истины в познавательной деятельности человека.

Во втором параграфе ***«Внезнаниевые формы истины»*** рассматривается функционирование истины в процессе познания в формах, отличных от знания.

Формирование образа науки, основанной на опытном и/или рациональном знании, началось еще в XV веке. Однако лишь в конце XIX века теоретическая физика, неевклидова геометрия и другие убедительные подтверждения относительной самостоятельности теории от эмпирии перевесили чашу весов в пользу автономной, наиболее эффективной схемы развития теории от гипотетического. Эта схема утвердила в науке два общеизвестных процесса – открытия и обоснования. В связи с этим попытаемся показать, что названным процессам соответствуют различные – внезнаниевые и знаниевые – познавательные формы, даже при истинности обеих.

Догадка, мнение, вера, в свою очередь, имеют отношение к процессу открытия, однако, характерной познавательной формой здесь является гипотеза.

Теоретизация и математизация современного частнонаучного знания привела к заметной автономии теории от эксперимента, к тому, что большинство теоретических схем науки конструируется не за счет прямой схематизации опыта, а методом трансляции уже созданных объектов. Последние могут быть почерпнуты из других разделов знания и соединены в новой «сетке», составляя содержание формирующейся гипотезы. Как элемент структуры научного познания, она образует исходную часть системы «гипотеза – законы – теория». При данном подходе к гипотезе важно установить, в какой степени она выражает объективную истинность.

Классифицируя гипотезы, А. Пуанкаре в первую очередь обращал внимание на их гносеологическую эффективность. Относя к гипотезам первой категории такие, которых невозможно избежать из-за их естественности и очевидности, ко второй – безразличные, которые никогда не представляют опасности, а чаще – полезны, к третьей – «обобщения в настоящем смысле слова»[11], он замечает, что плодотворны даже те из числа гипотез последней категории, которые опровергаются. По Пуанкаре, поскольку гипотеза выдвигается обдуманно, с принятием в расчет всех известных факторов, постольку ее опровержение – редкость. «Если она не оправдывается, то это свидетельствует о чем-то

[11] Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С.97-98.

неожиданном, необыкновенном; это значит, что предстоит найти нечто неизвестное, новое»[12].

Однако гипотеза, занимая непосредственные подступы к научному знанию, обладает более высокой степенью истинностной вероятности, нежели, например, вера. Вера, по образному выражению Канта, это путеводная нить, которую субъекту дает идея; вера оказывает субъективное влияние на успех деятельности разума.

В современной науке существуют парадоксальные гносеологические ситуацию, когда «теоретические образы в целом ряде случаев имеют избыточное содержание, которое не может быть спроецировано на отражаемую ими объективную реальность и в то же время необходимо для адекватного описания этой реальности в рамках теории»[13].

В частности, носителями такой избыточной информации являются абстрактные объекты, отражающие не только фрагменты реальности, но и способы их освоения человеком. По-видимому, всякое нетривиальное знание, будучи отражением не только наличной реальности, но и возможной, а также параметров субъекта, находясь в контексте более емкого знания, имеет также истинностные элементы.

Таким образом мы можем утверждать, что сводить истину к характеристике знания, значит видеть лишь одно ее измерение. Истина присутствует в познании множеством форм, проявляя тем самым многомерность как сущностную характеристику.

В третьем параграфе ***«Метафора как форма выражения истины в философском познании»*** отмечается важность для нашего исследования проблемы когнитивной нагруженности метафоры. В связи с этим мы должны найти ответы на вопросы: способна ли метафора выразить специфику философского отношения к миру, является ли она средством, отвечающим собственной природе философствования. Мы должны выяснить, является ли метафорическая форма необходимой для философских построений, или же, напротив, столь часто встречающиеся в философских текстах метафорические выражения являются безразличными к их глубинному содержанию и могут рассматриваться лишь в качестве иллюстраций для философских рассуждений. Нам необходимо ответить на вопрос принципиального характера: возможна ли философия как таковая, может ли быть создан какой-либо философский текст без использования метафор?

Ответы на данные вопросы мы можем получить, осуществив сопоставление важнейших черт философского знания, с одной стороны, и

---

[12] Там же. С.97.

[13] Жаров С.Н. Пути достижения объективной истины и избыточное содержание научной теории //Философские науки. 1986. № 2. С.13.

природы метафоры — с другой. В случае, если мы сможем показать, что философское отношение к миру в принципе не может быть выражено без помощи метафоры, может считаться выполненной основная задача данного параграфа — доказать, что метафора в философии не случайна, но является формой, выражающей истину философского познания мира.

В конце XX века философия заявила о себе как о своеобразной форме культуры, представ в виде ряда текстов постмодернистского характера. В философии отчётливо обозначилась иррационалистическая направленность и ярко проявилась её связь со сферой художественного творчества. Подобные черты, свидетельствующие об обусловленности философии наиболее глубокими, непостижимыми рационально отношениями человека и мироздания, казалось бы, могли утвердить особую специфику философии и показать её несводимость к другим формам интеллектуальной жизни человечества. Но в качестве краеугольного камня философии постмодернизма было выдвинуто положение о неизбежной художественности всякого мышления, и философия рассматривается как особый литературный жанр и размещается рядом с поэзией.

Философия посредством своего исторического развития воплотила себя как форму сознания, в которой неразрывным образом сплелись два начала – интуитивное и рациональное, пророческое и научное, поэтически-творческое и абстрактно-логическое. Первое роднит её с религией и поэзией, второе же объединяет с наукой. Мы полагаем, что особенность, специфичность философии обусловлена именно наличием, соединением данных начал. Теряя одно из них, она утрачивает своё качественное отличие от других форм духовной жизни. Так, без рационального полюса философия не может быть отличена от религии, мифа, поэзии, без чувственно-интуитивной составляющей она становится наукой. Бытие философии предполагает сочетание непосредственного, безусловного постижения мира с рациональным, понятийно-логическим мышлением. Идея о неразрывном единстве в философии двух начал применима к философии как особой духовной сфере. На практике же философия представлена множеством систем, в каждой из которых данные начала далеко не всегда находятся в равновесии, что явным образом выражается в области исследования истины.

Таким образом, философия имеет двойственную, биполярную природу: с одной стороны, она является рациональным познанием, с другой – интуитивным, непосредственным постижением мироздания, основанном на деятельности бессознательного. Исходя из этого, мы считаем необходимым говорить о принципиальной двойственности используемых в философии средств: философию как логико-рассудочную

деятельность представляет понятие, философию как интуитивное прозрение – метафора.

Попутно заметим, что в свете нашей концепции может быть объяснена мысль М. Хайдеггера о том, что «поэты слышат голос бытия». Действительно, в силу того, что важнейшим элементом поэтической речи является метафора, поэты могут передать знание о трансцендентном. Подобное знание передается косвенно, через игру ассоциаций.

Исследование метафоры как средства философского познания позволили нам сделать вывод о корреляции структуры метафоры со структурой бытия. Таким образом, метафора, будучи объемной и многоуровневой формой языкового выражения действительности, является эффективным средством постижения многомерной истины.

Вторая глава **«Религиозный и этический опыт»** посвящена исследованию устойчивых соотнесений истины с верой, мистическим откровением, благом.

В первом параграфе ***«Истина и вера»*** обосновывается диалектический характер взаимоотношений истины и веры в религиозном познании.

Тысячелетия исторического сосуществования в человеческом мире показали, что истину и веру можно рассматривать как пару оппозиций, проявляющих силы Инь и Ян. Вера и разум не противоборствуют, а укрепляют и стимулируют друг друга. Сосуществуя в человеческом духе, они обеспечивают возможность восприятия человеком целостной картины мира, которая основывается не только на индивидуальном, а но и на совокупном опыте всего человечества.

Современное научное мировоззрение, сформированное в Новое время, представляет нам новый объект веры – данные науки, открытия и теории, истинность которых как будто доказана. Большинство людей не заняты непосредственно научными исследованиями, и истины науки воспринимаются ими просто на веру. Сообщая своему ребенку, что Земля – это планета, вращающаяся вокруг Солнца, обычный человек ничем не может подтвердить свои слова, кроме ссылки на «данные науки». Формально это ничем не отличается от ссылки на Священное Писание. Однако по оценке содержания истины религия и науки принципиально отличаются. Религия провозглашает божественные истины как абсолютные, неизменные, не имеющие пространственно-временной определенности. Научные же истины – относительны, сама наука в процессе развития опровергает одни и предлагает новые, что современными философами и методологами науки уже не рассматривается как непрерывный *прогресс* научного знания, поскольку новое – не обязательно лучшее, оно просто другое. Содержание же этого

другого знания, направления новых научных поисков обусловлены потребностями духовной жизни конкретно-исторического общества.

Истины науки не даны нам непосредственно, иначе наука ничего не добавляла бы к непосредственному восприятию, доступному любому человеку независимо от его интеллектуальных способностей. В научном познании исследователи творческими усилиями мысли и воображения добираются до скрытых глубин мира; и результаты его определены не только целями, задачами, применяемыми методами и теми понятиями, в которых выражается познаваемая действительность. В любом случае – и в отношении царящих в науке заблуждений, и в отношении ее истинных достижений – научное познание и отдельного человека, и целой эпохи зависят от их мировоззрения, их духовных интересов и, разумеется, верований и религиозных идеалов.

Религиозное и научное познание оказываются взаимодополнительными в процессе «цельного» познания, предпочтение одного или другого одинаково ущербно и представляет опасность также для целостности духа познающего человека.

Античная наука впервые открыла *Космос,* как божественное единство и божественную гармонию мирового бытия, и на этой основе утвердила рациональное познание отдельных закономерностей мировых явлений. Многие гениальные догадки древнегреческой научной мысли проистекали из первичного признания совершенства (что является характеристикой Абсолюта, божества) Космоса. Например, идеи пифагореизма в астрономии (о шарообразной форме и круговых орбитах небесных тел) или числовое выражение мировой гармонии. В Новое же время наука, проникнутая идеями рационализма, «автономии» разума, разрушила целостность картины мира, космоса и утвердила в душе современного человека двойственность, обусловленную мнимой необходимостью выбора между религиозной верой и научным сознанием. История религиозно-философских учений показывает, что истина и вера взаимообуславливают друг друга, гармонизируют отношения человека с миром трансцендентных объектов, недоступных обыденному или научному познанию.

Во втором параграфе ***«Истинность мистического знания»*** отмечается, что мистическое знание не было предметом специальных исследований в силу своей природы. Мистическое знание – это индивидуальное знание, личное переживание растворения, слияния с миром («все во мне и я во всем»), мгновенное постижение его сути, целостности. Это знание, которое нуждается не в рациональном осмыслении, а в понимании. Мистическое знание – «закрытое», «сокрытое», внутреннее, знание не для всех, получаемое особым путем –

мистического озарения, интуиции.

В отечественной литературе под этим понятием подразумевается чаще всего ряд эзотерических учений, к которым относятся гностицизм, герметизм, теософия, антропософия, магия, алхимия, астрология. Характерной чертой такого знания является наличие закрытого, тайного содержания, доступного лишь посвященным в него.

Сегодня ученые вынуждены признать факт, что за пределами наших способностей лежит огромный, неизведанный мир, знание о котором пока не стало достоянием нашего сознания. Наше обычное сознание не может проникать в этот мир, и лишь особые его состояния, измененные, расширенные (как итог определенных, целенаправленных действий) способны соприкасаться с этой реальностью. Мистики, великие Учителя, «Продвинутые» в тайных учениях, святые описывают нам эту реальность, где находится скрытая Истина, объект страстного желания человека, единственная приемлемая для него цель поиска. Особенность мистического познания в том, что Истина является в ответ на усилия духа, настроенность сознания во всем своем блеске, не требуя ни доказательств, ни обоснований.

В мистическом познании огромную роль играет интуиция. Мистицизм можно определить как интуитивное познание мира, в основе которого лежит ощущение единства человека с Абсолютом. Мистическое знание не опирается не разграничения, абстракции и классификации интеллекта, это непосредственное, прямое восприятие недифференцированной, неделимой, неопределенной реальности. Именно непосредственность и прямота восприятия выступают характеристиками истинности мистического знания.

Очевидно, что мистическое знание не может быть проверено и верифицировано, доказано методами, используемыми в науке. В мистическом, эзотерическом познании человек постигает вечные и бесконечные истины, которые невозможно объять, измерить некими конечными и временными величинами. Научные теории – явление временное, меняющееся, дополняющееся (или заменяющееся) новыми знаниями на каждом из последующих витков процесса познания. В науке истина носит относительный, временный характер, новое знание либо устраняет, отменяет старое, либо сужает сферу его применения. В мистическом опыте познают вечную, трансцендентную чувственному миру Реальность, реальность абсолютного знания.

Мистическое мироощущение, мистическое мировоззрение, учения и идеи, практика, не утратили своей актуальности, не отошли в прошлое с развитием науки и техники, но приобрели новые очертания и контуры. Это доказывает, что человек – существо в большей степени

иррациональное, чем рациональное, более стремящееся к целостности, чем к разрушению, желающее слиться с Истиной, а не выстраивать цепочки умозаключений в целях ее верификации.

В третьем параграфе ***«Истина и благо»*** соотношение фундаментальных философских категорий «истина» и «благо» анализируется на материале исследований Института философии РАН, опубликованных в сборниках: «Благо и истина: классические и неклассические регулятивы» (1998) и «Истина и благо: универсальное и сингулярное» (2002). История вопроса об отношениях категорий истины и блага в человеческом опыте позволяет сказать, что со времен античной философии и по настоящее время они существуют относительно автономно, несмотря на постоянные попытки синтезировать гносеологический и этический аспекты деятельности человека.

А.П. Огурцов утверждает, что центральным вектором истории всей западноевропейской философии было расхождение между теоретической философией, ориентирующейся на понятие Истины, и практической философией, ориентирующейся на понятие Блага. Этот вектор развития определил собой не только расхождение между двумя модусами Разума, но и дифференциацию оснований и регулятивов теоретического знания от оснований и регулятивов этико-практического знания. Хотя и в том и в другом случае речь идет о знании, о двух видах знания, однако уже начиная с античной философии эти виды знания не просто дифференцируются друг от друга, но и все более и более отдаляются друг от друга, замыкаясь внутри собственной области и в рамках своих особых регулятивов, норм и идеалов. И, в конце концов, к началу XX века сформировались осознанные и четко артикулированные программы, для которых истинное знание должно быть свободно от ценностных суждений, а этико-аксиологические размышления не могут быть построены по образу и подобию теоретико-научного знания.

Различение Истины и Блага предполагает и воплощается в различных видах дискурсов – эйдетического и аксиологического (в терминологии М. Хайдеггера), а сами эти дискурсы обладают определенной целостной структурой, включающей в себя ряд пластов – от теоретических размышлений до реального поведения людей в их отношении к правилам, регулятивам и ценностям.

При эйдетическом подходе Истина рассматривается как объективно-идеальное образование. Она образует идеальный мир, противопоставляемый материальному миру или воплощающийся в нем. Мир Истин, понятый как духовно-идеальный мир, интерпретируется как мир смыслов, идеальных сущностей, идеальных объектов и образцов, устойчивых и инвариантных по сравнению с текучим миром явлений.

Эйдетический подход подчеркивает объективно-идеальный, духовный статус Истины, ее автономность относительно и психического, и физического миров.

Аксиологический подход, трактуя культуру как мир особой – ценностной предметности, на деле субъективизирует ценности. Ведь ценности (а именно так трактуется Благо) укоренены в оценках, в актах оценивания, в свою очередь коренящихся в полезности, утилитарности тех или иных свойств оцениваемого предмета. Иными словами, аксиологический подход превращает мир культурных предметностей в нечто служебное и инструментальное, поскольку исходной системой отсчета здесь является потребность человека. Этот подход делает акцент на отношении субъекта к объекту, подчеркивая фундаментальное значение актов оценки для фиксации ценностей или Блага.

В целях нашего исследования интересно было проследить, на каком основании можно совместить (хотя бы частично) понятия истины и блага. В результате мы пришли к выводу, что и истина и благо являются формами гармонии, согласованности человека и мира. Расхождение эйдетического и аксиологического дискурсов обусловлено множественностью интерпретаций рассматриваемых понятий, объем которой многократно возрастает в эпоху постмодерна. Однако в религиозном мировоззрении, продолжающем существовать вопреки всем политическим, научным и техническим революциям, истина и благо сливаются в божественной сущности.

В третьей главе «**Эстетический опыт**» автором анализируются специфические параметры бытия и познания истины в сфере искусства.

В первом параграфе ***«Художественное творчество и истина»*** показано, что вопрос об отношении истины и творчества необходимо вытекает из анализа ряда классических для онтологии и гносеологии проблем, таких как: соотношение истины и знания, бытия и знания, истины и не-истины, знания и незнания, творчества и процесса познания, творчества и бытия истины, сущности творчества и сущности истины и т.п.

Особенность взаимоотношения истины и творчества можно объяснить, опираясь на два типа креативности, обладающие, в целом, разнонаправленной настроенностью. Мы понимаем креативность не как способность (в отличие от психологической точки зрения), разве что понимать под способностью потенциал, возможность. Креативность есть скорее некая направленность, настроенность, интенциональность (но в отличие от гуссерлевской интенциональности не имеющая вектора направленности от сознания к предмету) с широким «диапазоном» восприятия и разнообразными результирующими «на выходе».

Экстенсивный тип креативности соотносится с гносеологическим пониманием истины, устанавливающей «вектор» познавательной направленности «от субъекта», вовне. В общем, его можно сопоставить с процессом эк-зистенции у Хайдеггера.

Интенсивному типу креативности, обращенному к духовным основаниям личности, ближе онтологическая трактовка истины, в человеческом плане обращенная «внутрь», поскольку онтологический аспект предполагает, как мы видели в учении Хайдеггера об истине, целостное постижение, органический подход в постижении. Интенсивная креативность составляет основу человеческой ин-зистентности, удерживающей константность личности в ходе самоформирования мировоззренческой структуры.

Безусловно, отделять один тип креативности от другого можно лишь в абстракции. Они, подобно эк-зистенции и ин-зистенции, взаимообусловлены, перетекают один в другой, открывая человеку путь самосовершенствования, создавая человеческую открытость истине и гармонии.

Но два типа креативности редко бывают сбалансированы. Поэтому, фактически, человек в процессе творчества сталкивается с негарантированностью истины. Но если научное и религиозное творчество все же, априори, исходят из положения о достижимости истины: иначе не было бы смысла в науке, а в религии истина гарантируется Богом, – то в художественном творчестве отношения с истиной сложнее.

Процесс творения создаст новые смыслы, альтернативную реальность, корректирующую и ставящую под вопрос уже существующие реальности. Нельзя отрицать, что посредством альтернативной можно обрести некое знание об уже существующей реальности.[14] Вместе с тем, процесс созидания непредсказуем. Стремление творца к сотворению создает пространство, возможность для открытости истины, но не гарантию. Даже наоборот, возникновение новых смыслов разрушает старые, возможность иной истины приводит к отрицанию существующей.

Замысел второго параграфа ***«Язык поэзии как приобщение к истине бытия»*** связан с философским вопросом об истинности поэтического познания мира. Правомерно ли считать истинным произведение

---

[14] В словах Платона о способности художников усматривать высшую истину и тщательно воспроизводить ее, устанавливая новые законы о красоте, благе, и справедливости и защищая уже существующие (см.: Платон. Государство. Книга шестая), заложен тот смысл, что творец причастен не обыденному знанию, определяемому эмпирическим опытом, а онтологическим первоосновам, миру идей, позволяющих иметь представление об эмпирии, но превышающих сумму отдельных знаний как предельное цельное Знание.

словесного искусства, если соответствие или неадекватность его предметам и явлениям не доказуемы логически? Изучение поэзии в гуманитарных науках с особой наглядностью выявляет и заостряет актуальную проблематику комплементарности теории познания и учения о бытии.

Показательны в рамках нашего исследования поиски нерациональной формы познания истины М. Хайдеггером. Наиболее совершенной формой для понимания истинного бытия выступает для него поэзия. Для характеристики «истинного мышления» он употребляет понятие «вслушивание»: бытие рационально непостижимо и истину (подлинность) существования человек может узнать только, вслушиваясь в язык.

У Хайдеггера не весь язык, а только поэтический «открывает истину». Он обращается к исследованию творчества Р.М. Рильке, Г. Тракля, С. Георге и прежде всего – к исследованию творчества немецкого романтического поэта Ф. Гёльдерлина, «поэта поэтов», как он его называет. В поэтическом языке Хайдеггер увидел соединение непосредственного переживания, адекватной формы его выражения, ненасильственности при его восприятии (необязательности для «всеобщего» познания) и живой связи человека и всего остального бытия.

Только в языке имеет место гармоничное, слитное существование человека с миром, возможность «собеседования». Само же это гармоничное существование, не позволяющее человеку раствориться в обыденности и все же утверждающее социально-деятельную сущность человека, устанавливается в поэтическом слове. Поэзия каждый раз заново дает тем или другим вещам их названия, каждый раз создает особый и все же понятный другим людям язык.

Если истину понимать семиотически, то необходимо видеть ее как знак, который обозначает определенную реальность. Любой знак одновременно указывает на реальность и скрывает, замещает ее. Классическая философия была ориентирована на полное раскрытие истины, на полное совпадение означающего и означаемого. Критически ориентированные теории постструктурализма, напротив, утверждают невозможность такого совпадения: для них бесконечность текста, бесконечность ряда означающих указывает на принципиальную сокрытость референта, который ускользает от обнаружения.

В феноменологической герменевтике истина бытия – это алетейя, выведение сущего из сокрытости в непотаенность, феноменальное проявление вещи такой, как она есть сама-по-себе. Истина не умещается ни в суждение, ни в вещь, она предшествует смыслообразующему соединению между ними как условие возникновения истинного суждения.

Концепция истины поэтического произведения как «спора» между

проявленностью феноменов и их сокрытостью вплотную приближена к миметическим поэтикам Платона и Аристотеля, поскольку постулирует необходимость изначального феноменального раскрытия сущности для последующего воспроизведения бытия стихотворным сочинением. Алетейя как «сочинение» сущего, раскрывающего и замыкающего бытие, остается подосновой мимесиса, в которой прочно укоренена способность человека воспроизводить сущее, но которая, в свою очередь, немыслима без этой способности изображать действительность в дорефлективной достоверности.

Четвертая глава **«От множественности истин к гармонической многомерности истины»** посвящена диалектике множественного и единого, проявляющейся в области исследований истины.

На материале нашего исследования мы видим, что множественность истин имеет объективный характер. Идет ли речь о теоретических построениях или практической деятельности, они – производные от человека, следовательно, историчны и социокультурно обусловлены. В разное время, в разных местах, в разных культурах возникают концептуализации истины, образуется множество теоретических образов истины. Например, Риккерт говорил, что существует столько же различных исторических истин, сколько существует различных культурных кругов, и все эти истины в равной мере будут обладать значимостью. Однако все они будут историческими истинами, что подтверждает наличие некоего единого основания всего множества истин. Возникает вопрос об онтологическом статусе этого основания. Мы полагаем, что множественность истин есть проявление многообразия, многогранности бытия человека в мире. Являясь убежденными сторонниками идеи о гармоническом устройстве мироздания, мы пришли к выводу, что множественность образов истины на любом отрезке времени и в конечном итоге складывается в гармоническую систему. При этом гармонический характер многомерности истины проявляет гармонию бытия человека в мире.

В **заключении** сформулированы основные идеи и выводы диссертации, подведены итоги и обозначены перспективы дальнейших исследований.

Основные идеи диссертации, ее концептуальный замысел и полученные результаты изложены автором в двух монографиях и публикациях общим объемом более 35 п.л.

Монографии:

1. Лукманова Р.Х. Проблема истины: гносеологический и экзистенциальный аспекты. Уфа: Гилем, 2007. – 7,67 п.л.

2. Лукманова Р.Х. Истина как многомерная философская категория. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 13,34 п.л.

Статьи в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Лукманова Р.Х. Мистическое знание: параметры истинности // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 9. С.431-441. (0,5 п.л.)
2. Лукманова Р.Х. Внезнаниевые формы истины // Культура & общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств – Электрон. журн. – М.: МГУКИ, 2007. – № гос. регистрации 0420600016. – Режим доступа: http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Lukmanova.pdf, свободный – Загл. с экрана. (0,5 п.л.)
3. Лукманова Р.Х. Истина и вера: диалектика отношений // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 12. С.449-461. (0,5 п.л.)
4. Лукманова Р.Х. Социальная значимость истины // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 7. С.137-145 (0,5 п.л.)
5. *Лукманова Р.Х., Столетов А.И. Проблема истины в философии* Хайдеггера // Философия и общество. 2008. № 4. С.166-174 (0,5/0,3 п.л.).
6. Лукманова Р.Х. Сущность и вариации дефляционизма в отношении истины // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 9. С. 94-104 (0,5 п.л.)
7. Лукманова Р.Х. Истина: открытие или творение? // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит.науки. 2009. Т. 151, кн. 1. С.35-43 (0,5 п.л.)
8. Лукманова Р.Х., Столетов А.И. Универсальное и локальное в мировоззрении // Регионология. 2009. № 1. С. 275-284 (0,75/0,5 п.л.)
9. Лукманова Р.Х. О соотношении истины и художественного творчества // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. № 92: общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. СПб., 2009. С.143-149 (0,6 п.л.)

Другие публикации по теме исследования:

1. Лукманова Р.Х. Критерий истины: свобода, творчество человека // Научная картина мира как феномен культуры: Тезисы конференции. Издание Башкирского университета. Уфа, 1992. С.65-70. (0,4 п.л.)
2. Лукманова Р.Х. Истина в познании и жизни человека (Препринт доклада конференции «Научное обоснование и здравый смысл»). Уфа: Изд-е Башкирск. ун-та,1994. 36 с. (2,25 п.л.)
3. Лукманова Р.Х. Актуальные проблемы процесса познания // Единство

онтологии, теории познания и логики: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 400-летию Р.Декарта и 100-летию С.А.Яновской. Уфа: Изд-е Башкирск. ун-та,1996. С.103-105.
4. Лукманова Р.Х. О некоторых аспектах языковой проблемы // История образования и педагогики Башкортостана (межвузовский сборник научных статей). Уфа, 1996. С.49-52.
5. Лукманова Р.Х. Истины человеческого существования // Проблемы духовной защиты человека труда: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 1996. С.68-70.
6. Лукманова Р.Х. Природа как сфера смыслополагания человеческого духа // Мировоззренческие основания человеческой деятельности на рубеже XXI века: материалы научно-практической конференции. Уфа: Изд-е Башкирск. ун-та,1997. С.126-127.
7. Лукманова Р.Х. Рассмотрение соотношения мнения и знания в античной философии (Платон и Аристотель) // Материалы научной конференции, посвященной 40-летию Башкирского государственного университета. Май 1997 г. / Изд-е Башкирск. ун-та. Уфа, 1997. С.36-39.
8. Лукманова Р.Х. Проблема истины на пороге III тысячелетия // Вестник ВЭГУ. № 5. Философия, социология, политология. Уфа: «Восточный университет», 1997. С.21-25.
9. Лукманова Р.Х. Н.А. Бердяев о философском познании // Философский космос России. Памяти Н.А. Бердяева (1874-1948). Уфа: Изд-е Башкирского университета, 1998. С.110-114.
10. Лукманова Р.Х. Понятие истины в языке современной науки // Язык науки XXI века: Материалы научной конференции. Издание Башкирского университета. Уфа, 1998. С.102-104.
11. Лукманова Р.Х. Об отношениях религиозного и научного мировоззрений в современной духовной культуре // Культура и образование: Сб. статей. Вып. 1 / Башк. пед. ин-т. Уфа, 1999. С.44-51.
12. Лукманова Р.Х. Средства массовой информации и мифотворчество XX века // Системная аналитика и проблемы принятия решений. М.: Университетский гуманитарный лицей, 1999. С.271-274.
13. Лукманова Р.Х. О соотношении разума и веры в научном мировоззрении // XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса (7-11 июня 1999 г.): В 4 т. Т.1: Онтология, гносеология и методология науки, логика. Ч.1. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. С.176-177.
14. Лукманова Р.Х. Магия как форма отношения к природе // Вестник ВЭГУ. № 10. Философия. Социология. Политология. Уфа: «Восточный университет», 1999. С.30-36.
15. Лукманова Р.Х. Истинностные параметры ненаучного знания //

Обретение и постижение духовности. Материалы регионального симпозиума. Оренбург: Оренбургский филиал УрАГС, 2000. С.51-54.
16. Лукманова Р.Х. Путь к познанию истины в средневековой исламской духовной культуре // Исламская культура и мировая цивилизация: Сб. статей / Под ред. Д.А. Гущина, Ю.Н. Солонина, М. Санаи. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2001. С.227-239.
17. Лукманова Р.Х. Религиозное и научное мировоззрение: отношения в современном мире //Толерантность: Материалы Летней школы молодых ученых «Россия – Запад: философские основания социокультурной толерантности». Екатеринбург, сент. 2000 г.: В 2 ч. / Под ред. М.Б.Хомякова. Ч.1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С.62-67.
18. Лукманова Р.Х. Истина как целостность и ценность // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16-20 сентября 2002 г.) В 3 т. Т.3. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ. 2002. С.98-99.
19. Лукманова Р.Х. Проблема истины в русской религиозной философии // Культурное наследие России: Универсум религиозной философии: Материалы всероссийской научной конференции «Культурное наследие России: Универсум религиозной философии» (К 110-летию со дня рождения А.Ф. Лосева). Уфа: РИО БашГУ, 2004. С.52-55.
20. Лукманова Р.Х. Мнение как внезнаниевая форма истины // Университетская наука – Республике Башкортостан: Материалы научно-практической конференции, посв. 95-летию основания Башкирского государственного университета. Т. 2. Уфа: РИО БашГУ, 2004. С.294-296.
21. Лукманова Р.Х. Многообразие форм истины // Первые Садыковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Ф.Б. Садыкова. Уфа: РИО БашГУ, 2004. С.70-76.
22. Лукманова Р.Х. Переживание истинности знаний // Философия XXI века. Международная конференция 30 мая-1 июня 2006 года. Материалы конференции. СПб., 2006. С.130-132.
23. Лукманова Р.Х. Идеи Просвещения и социальный прогресс // Наследие М. Акмуллы: взгляд через века: Материалы Международной научно-практической конференции 14-15 декабря 2006 г. Уфа: Издательство БГПУ, 2006. С. 231-234.
24. Лукманова Р.Х. Экзистенциальные истины // Философия в XXI веке: международный сборник научных трудов / под общей ред. проф. О.И. Кирикова. Вып. 12. Воронеж: ВГПУ, 2007. С.187-196.
25. Лукманова Р.Х. Религиозно-философские концепции истины:

христианство и ислам // Человек и общество: на рубеже тысячелетий: международный сборник научных трудов / под общей ред. проф. О.И. Кирикова. Вып. XXXVIII. Воронеж: ВГПУ, 2007. С. 104-111.
26. Лукманова Р.Х. Истина и знание в исламской традиции // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: Материалы Международной научно-практической конференции 13 декабря 2007 г. Уфа: Издательство БГПУ. С. 236-239.
27. Лукманова Р.Х. Истины веры и истины разума в свете отношений науки и религии // III Садыковские чтения: Материалы Международной научной конференции 15-16 июня 2006 г. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С.46-49.
28. Лукманова Р.Х. Национальная культура в эпоху глобализации // IV Садыковские чтения: Сборник научных трудов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 45-49.